

**О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ:
К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СПЕЦИФИКЕ КНИГИ
М. СТЕПАНОВОЙ «ПРОЗА ИВАНА СИДОРОВА»**

*Работа представлена кафедрой русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор О. Е. Осовский*

В статье рассматривается специфика взаимодействия поэзии и прозы в современной отечественной литературе на материале книги М. Степановой «Проза Ивана Сидорова» (2007). Учитывая основные положения теоретика «нового эпоса» Ф. Сваровского, доказывается принадлежность современного автора к представителям данного поэтического течения, активно разрабатывающих определенный «модус высказывания» – особую форму отношения автора и текста.

***Ключевые слова:** «новый эпос», лиро-эпическая форма, стихотворная повесть, повествовательный сюжет, фантастическое событие, авторская маска.*

S. Gudkova

**NEW TENDENCIES IN CONTEMPORARY POETRY:
ARTISTIC SPECIFICS OF M. STEPANOVA'S BOOK
“THE PROSE OF IVAN SIDOROV”**

The main aim of the article is to analyse the prose and poetry interaction in contemporary Russian poetry. Maria Stepanova's book “The Prose of Ivan Sidorov” is a vivid example of the so-called “new epic” that shows the above-mentioned tendency. M. Stepanova's poetic short story gives various examples of the author's experiment with the poetic form, rhyme and rhythm, poetic language.

***Key words:** “new epic”, lyric and epic form, short story in verse, narrative subject, fantastic event, author's mask.*

Анализ современной отечественной поэзии, особенно ее крупных жанровых форм, показывает наличие тенденции взаимодействия стиха и прозы. Заметим, что еще Б. В. Томашевский определял поэзию и прозу «не как две области с твердой границей, а как два полюса, два центра тяготения, вокруг которых исторически расположились реальные факты» [9, с. 13]. Сравнительно недавно подробный анализ процессов сближения двух типов организации художественной речи был предложен в работе Ю. Б. Орлицкого [6]. Естественно, синтез стиха и прозы как средство обновления поэзии не является прерогативой исключительно современной лирики, но именно сегодня обращает на себя внимание принципиальный характер подобного взаимо-

проникновения в русской поэзии последних десятилетий. В литературоведении и критике этот феномен получил название «новый эпос», что подтверждается, в частности, материалами журнала «РЕЦ» [7]. Изданный под редакцией А. Ровинского и Ф. Сваровского, идейных вдохновителей этого направления, специальный выпуск журнала содержал ряд материалов по данной проблеме, включая манифест нового литературного течения. В нем представлен «новый эпос» как один из путей выхода из тупика, в который зашла европейская культура в XX в. В аннотации к журналу делается акцент на реактуализации лиро-эпической формы и на тенденциях к «системному нелинейному высказыванию в русской поэзии последних семи–девяти лет» [7].

Теоретики нового движения отмечают качественный рост поэтических текстов с увлекательными повествовательными сюжетами, в которых кардинальным образом меняется отношение к нарративу. Сам Ф. Сваровский указывает на отсутствие прямого авторского голоса в поэтическом тексте и значимой роли иносказательности, рождающей многомерность и неоднозначность читательских трактовок и интерпретаций фантастических сюжетов и образов [7]. Анализируя основные положения, высказанные Ф. Сваровским, мы можем определить ведущие черты поэтики таких текстов. В них обязательно наличие захватывающего сюжета, ориентированного на фантастическое, метафизическое событие, в основе которого лежит героическое начало; действующий герой или героини маргинальны по своей сущности; построение сюжета подобно созданию фрагментов киносценария с многообразной сменой кадров; использование авторской маски, при этом не происходит отождествления автора ни с героем, ни с рассказчиком, автор со своим голосом не вмешивается в ход событий. Особое значение приобретает авторская игра с культурными контекстами, соединение которых создает некую дополнительную реальность, где происходит основное действие.

В подобном ключе развивается творчество одного из самых ярких поэтов последнего десятилетия – М. Степановой. Сегодня за ней закрепились репутация «одного из самых интересных современных интерпретаторов и обновителей жанра баллады» [4, с. 248]. Одним из примеров развития «нового эпоса» в современном поэтическом пространстве можно считать ее книгу «Проза Ивана Сидорова».

Здесь М. Степанова продолжает развитие «травестированной» балладной традиции. Многомерность сюжетного ряда, основанного на целом каскаде авантюрно-фантастических событий, а также само название «Проза...» позволили современной критике по-разному трактовать жанровую специфику книги. Так, например, Г. Дашевский, учитывая разнохарактерность поэтического текста, вбирающего в себя «инкорнацию» образов сказки А. Пого-

рельского «Черная курица, или Подземные жители», сюжеты романтической баллады и фильмов Дэвида Линча, приходит к выводу о том, что новая книга М. Степановой – это «"Руслан и Людмила", рассказанные вместо "Двенадцати" или "Думы про Опанаса", то есть волшебная сказка, заместившая поэму о катастрофическом социальном опыте» [3]. В. Губайловский, указывая на виртуозный стиль «раешника», который мастерски использует современный автор, «рискует» назвать «Прозу Ивана Сидорова» «поэмой» [1, с. 201]. Д. Давыдов определяет фантастическую историю о «черной курице, городской нечисти и их борьбе с органами правопорядка – и, одновременно, об утраченной любви» как «новеллу в стихах» [2]. Наиболее точное жанровое определение, на наш взгляд, предлагает М. Липовецкий. Он называет «Прозу...» «стихотворной повестью, вырастающей на балладной почве» [4, с. 249].

Действительно, необычный и динамично развивающийся сюжет привлекает и удерживает читательское внимание: «В городок провинциальный,/ а так сказать, да в невысокий-недалекий,/ с белыми крутыми берегами,/ с по-над берегом гигантскими шагами,/ с трубами тяжелых предприятий,/ с бабами, похожими на ошупь,/ как бутылки в тесных голенищах,/ приезжает пьяница-мужик» [8]. По его приезду в этот странный «провинциальный городишко» и начинаются необыкновенные приключения героя. По воле судьбы мужик-пьяница, черная курица и все время спящая девочка, которую он обнаружил на железнодорожном вокзале, поселились в одном «домишке» на окраине города. Их размеренно-сонную жизнь прерывает отряд милиции во главе с красавицей опером. В страхе все обитатели дома прячутся под кровать. Оказывается, что сыщики ищут пропавшую девочку. Героя, превратившегося в петуха, арестовывают вместе с курицей по подозрению в похищении (девочка при этом неизвестным образом исчезает). На допросе герой-петух ведет себя стойко. В ходе допроса выясняется, что курица является главой банды упырей. Петух никого не выдает, за что получает одобрение банды сообщников

курицы. За примерное поведение он получает право присутствовать на вечеринке-застолье по случаю обдумывания плана по спасению «мамки» банды – Черной курицы, там же опять оказалась красавица опер. Все пришли к общему решению: выручать главаря в момент следственного эксперимента. После неудавшейся операции прогремевший «оглушительный взрыв» возвращает героя из небытия в реальность, где он вспоминает смерть своей жены, похороны, пьяный дурман и советы «какой-то бабы» встретиться напоследок со своей умершей женой, чтобы разогнать душевную тоску. Черная курица превращается на время в жену героя, а красавица опер оказывается майором Кантарией из Московского МУРа (по паранормальным явлениям), внедрившаяся в банду, так как пропавшая девочка на самом деле ее дочь. В итоге курица просит неведомые силы вернуть девочку и, перед тем как снова вознестись в небо, трогательно прощается с мужем: «И тогда жена выходит ему во встречу./ Облик ее не птичий, не человеческий./ Но черными перьями, словно тучей,/ она укутана с головой,/ и это последний случай/ увидеть ее живой./ И она/ ему/ говорит:/ все/ во мне болит, говорит./ Все во мне болит, как вода бежит,/ как течет ручей без речей./ То скулит оно, то жужжит./ Поживи без меня, ничей./ На– / на память тебе платочек./ Береги и себя, и дочек...» [8].

Как видно, особая повествовательная тональность создается не только за счет динамичного детективного сюжета, но и ритмико-интонационного звучания нерегулярного стиха, сочетающего повествовательную, сказовую интонацию с «сухой» протокольной записью, отрывочной уголовной хроникой, «блатной феней». Этому способствует и введение разнообразных видов строф, непредсказуемой рифмовки и усеченных ритмов, что в стиховедении получило терминологическое обозначение – «гетероморфный стих». Вся совокупность представленных поэтических средств служит одной главной цели – разработке увлекательного сюжета.

«Проза Ивана Сидорова» демонстрирует необычный конгломерат художественных сти-

лей. Очевидная квазифольклорная основа текста вбирает в себя и по-новому репрезентирует жанры баллады, волшебной сказки, классические тексты русской литературы (А. Пушкина, А. Фета, О. Мандельштама, М. Булгакова, И. Бродского, В. Высоцкого и др.), а также сюжеты известного советского сериала «Место встречи изменить нельзя» и современного культового фильма Т. Бекмамбетова «Ночной дозор». Соединяясь на пространстве поэтического текста, весь этот разнородный материал выстраивается в нечто абсурдное, напоминающее «странный» сон Татьяны.

Рафинированный характер поэтический текст приобретает не только за счет версификационной изоцирности стиха, но и благодаря языковым экспериментам автора. «Проза Ивана Сидорова» – это смелое сочетание разнообразных лексических пластов: утрированной обыденной речи («Дом – не дом, а находка. / В подполе находится захоронка, / в которой ласковая, как водка, / чистейшая самогонка»); фольклорно-сказочных элементов («"Ты ж припадошный, ты без меня сопьеси,/ ты ж задаром пропадешь и не вернесси,/ не увидишь дорогую Балашиху,/ Юльку, Ларочку и бабку-сторожику"»); уголовного и милицейского жаргона («Только нам таких не впервой колоть,/ невзирая на суеверья./ У меня в районе раскрытых дел/ до сих пор процент запредельный./ Да на этой лавке упырь сидел,/ а потом пошел по расстрельной») [8] и др.

Поэтическую манеру автора отличают необычные сочетания художественных стилей, обилие устойчивых речевых оборотов, осознанное разрушение языковых норм («на земле же глухо, как в танке», «мужик и пьян, да и не, живет как во сне», «а она на него глядит, как жена на мужа в час какого-нибудь решительного недуга», «вы попрятались в пух и перья», «мы живем, как прах в водяной пыли, под собою не чуя родной земли» и др.). Абсурдность поэтического пространства создается и целым рядом грамматических, синтаксических и стилистических нарушений. В жертву рифме приносятся многие нормы русского языка («я превратился в что-то», «про детей лишь то, что их было две»,

«да ты тово, ничего не бойсь», «если надо, поляжем под серебром все, спасая саму-ону», «и такая в нем завелась тоска – вы не знали таких тосок» и др.) [8].

Все вышеперечисленные особенности художественного текста работают на тотальное разрушение реальной действительности, создание экзистенциального пространства, где все действия происходят на грани миров. Не случайно Е. Фанайлова указывает на особенности поэтического языка М. Степановой как на «главное достижение» поэтики автора [10].

Следует отметить и еще одно важное качество поэтического стиля М. Степановой – это введение в текст разных точек зрения и вставных конструкций, разнохарактерность которых дает повод к многообразию прочтений предлагаемого сюжета. При этом поэтический текст, во-первых, отличается «многогеройностью», каждый персонаж имеет свою сюжетную историю и индивидуализированный язык. Во-вторых, определенную идейно-эстетическую функцию несет в себе образ повествователя Ивана Сидорова, очевидная маска автора. Прикрываясь маской Ивана Сидорова, автор наблюдает за всеми происходящими событиями и комментирует собственным стилем. В-третьих, использование приема «текст в тексте» [5] (письма-отчеты опера другу-коллеге Дине), добавление которого к основной сюжетной линии придает описываемым фантастическим событиям реалистический характер.

Очевидная эпическая основа сюжета с мозаичной комбинацией поэтических голосов необходима автору прежде всего для выражения лирико-драматической тональности. За виртуальным метафизическим пространством стихотворной повести выступает авторское осознание трагичности современной действительности, связанной с утратой человеческого счастья, потерей близких, страхом перед лицом смерти, с поиском Вечной Жен-

ственности. Поэтому символическое значение приобретает образ Черной курицы, одновременно олицетворяющий и своеобразное Женское начало, и его утрату, без чего обесценивается и жизнь мужчины («Ты ж не помнишь, ни когда на свет родился,/ ни зачем и почему сюда явился,/ ты ж не выдержишь без женского пригляда,/ моя лада» [8]). Интересную мысль в этом отношении высказывает М. Липовецкий, отмечая, что «степановская Черная Курица в первую очередь манифестирует *родную смерть* – одновременно пугающую и укореняющую в утрате, саднящую и вытесненную на периферию сознания» [4, с. 253].

В итоге следует подчеркнуть, что «Проза Ивана Сидорова», первоначально воспринимаемая как ироническое лиро-эпическое произведение, в финале утверждает неуютность человеческого существования, его одиночество и сиротство: «Обняла его, как матушка, недавними руками,/ и тяжелыми ударами, широкими гребками/ оттолкнулась, содрогнулась, от земли оторвалась,/ ахнула – и, кажется, вознеслась./ <...>/ над домами, поездами, над снегами,/ заносщими узик ментовской,/ над вокзальным зданием стеклянным,/ над далеким гробом деревянным,/ высоко над нашею тоской» [8].

Таким образом, «Проза Ивана Сидорова» – это один из вариантов «нового эпоса», где значимым является необычный повествовательный сюжет, имеющий квазифольклорную основу. Вместе с тем особую роль играет и образ самого автора, скрывающийся за маской Ивана Сидорова, что и отличает поэта от других представителей данного течения. Особенность поэтического стиля стихотворной повести М. Степановой, основанная на встрече-взаимодействии стиха и прозы, очередной раз подчеркивает, что эпичность крупных поэтических форм позволяет усилить лирическое начало художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губайловский В. Рец. на книгу М. Степановой «Проза Ивана Сидорова» // Новый мир. 2008. № 4. С. 201, 202.

2. *Давыдов Д.* Новелла в стихах. О «Прозе Ивана Сидорова» Марии Степановой // Книжное обозрение. 2008. № 9. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/davydov-o-stepanovoj/dossier_2359/
3. *Дашевский Г.* Сумеречный потlach. О «Прозе Ивана Сидорова» Марии Степановой // Комерсантъ Weekend. 2008. № 7 (53). URL: http://www.litkarta.ru/dossier/dashev-stepanova/dossier_2359/
4. *Липовецкий М.* Родина-жуть. О «Прозе Ивана Сидорова» Марии Степановой // НЛЮ. 2008. № 89. С. 248–256.
5. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте. (Вставная глава) // Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 104–122.
6. *Орлицкий Ю. Б.* Динамика стиха и прозы в русской словесности. М.: РГГУ, 2008. 845 с.
7. *Сваровский Ф.* Несколько слов о «новом эпосе» // РЕЦ. 2007. № 44. URL: <http://www.polutona.ru/rets/rets44.pdf>.
8. *Степанова М.* Проза Ивана Сидорова. М., 2008. 74 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/stepanova6.html>
9. *Томашевский Б. В.* Стих и язык. Филологические очерки. М.; Л.: Учпедгиз, 1959. 234 с.
10. *Фанайлова Е.* Рец. на книгу М. Степановой «Песни северных южан» (2001) // Новая русская книга. 2001. № 1. URL: http://www.newkamera.de/ostihah/fanailova_o_stepanovoi.html

REFERENCES

1. *Gubaylovsky V.* Rets. na knigu M. Stepanovoy «Proza Ivana Sidorova» // Novy mir. 2008. N 4. S. 201, 202.
2. *Davydov D.* Novella v stikhakh. O «Proze Ivana Sidorova» Marii Stepanovoy // Knizhnoye obozreniye. 2008. N 9. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/davydov-o-stepanovoj/dossier_2359/
3. *Dashevsky G.* Sumerechny potlach. O «Proze Ivana Sidorova» Marii Stepanovoy // Koomersant' Weekend. 2008. N 7 (53). URL: http://www.litkarta.ru/dossier/dashev-stepanova/dossier_2359/
4. *Lipovetsky M.* Rodina-zhut'. O «Proze Ivana Sidorova» Marii Stepanovoy // NLO. 2008. N 89. S. 248–256.
5. *Lotman Yu. M.* Tekst v tekste. (Vstavnaya glava) // Kul'tura i vzryv. M.: Gnozis, 1992. S. 104–122.
6. *Orlitsky Yu. B.* Dinamika stikha i prozy v russkoy slovesnosti. M.: RGGU, 2008. 845 s.
7. *Svarovsky F.* Neskol'ko slov o «novom epose» // RETs. 2007. N 44. URL: <http://www.polutona.ru/rets/rets44.pdf>.
8. *Stepanova M.* Proza Ivana Sidorova. M., 2008. 74 s. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/stepanova6.html>
9. *Tomashhevsky B. V.* Stikh i yazyk. Filologicheskiye ocherki. M.; L.: Uchpedgiz, 1959. 234 s.
10. *Fanaylova E.* Rets. na knigu M. Stepanovoy «Pesni severnykh yuzhan» (2001) // Novaya russkaya kniga. 2001. N 1. URL: http://www.newkamera.de/ostihah/fanailova_o_stepanovoi.html